

Анатолий Агарков

A close-up photograph of two young boys kissing on the cheek. The boy on the left has short, light blonde hair and is wearing a dark blue sweater with a light-colored collar. The boy on the right has short brown hair and is wearing a dark blue sweater with a colorful pattern. The background is a soft-focus outdoor setting with warm, golden light, suggesting autumn foliage.

Забияки

Электронная версия

Забияки

*Если дружишь с хромым, сам начинаешь прихрамывать.
(Плутарх)*

1

Наша маленькая в двадцать дворов улочка отправила тем годом в школу четырёх новобранцев. Первый раз в первый класс пошли трое Толек и один Колька. Расскажу обо всех, а начну с Толяна Калмыкова. Потому что дом его номер один и стоит крайним на улице у самого Займища. Потому что он выше всех в нашем квартете, сильней, отважнее, благороднее. Последнее утверждение спорно – себя бы поставил на первое место. Но вот пример, и судите сами.

Встречаемся на улице жарким летним полднем.

- Куда, Толян?

- Котят топить. Пошли со мной.

- Что?! Ну-ка покажи.

Он показал. В картонной коробке тыкались слепыми мордочками, топорщили голые хвостики четверо котят.

- Топить? Ты что ли фашист?

- Не-а. Мне рупь соседка заплатила.

- А мать за рупь утопишь? За трояк?

- Отстань.

- Слышь, отдай мне их.

- Зачем?

- Выкормлю.

- Без кошки они сдохнут.

- Я из бутылочки через соску.

- Не отдам – мне заплатили.

- А если я тебе, фашисту, морду набью?

Только спрятал коробку за спину и с любопытством посмотрел на меня.

- Набьёшь – отдам.

Желание драться с Калмыком отсутствовало напрочь.

- Ты вот что... Ты больше ко мне не приходи, и я с тобой больше не вожусь – таких друзей в гробу видал.

Мы разошлись в разные стороны.

Я не сдержал слово. Как-то сам собой забылся инцидент, а долго дуться на Толяна невозможно – слишком интересно было с ним. Прошёл, наверное, месяц. Приходит Калмык с известной уже коробкой, а в ней все четыре весёлых пушистых котёнка, вполне самостоятельных.

- Те?

- Те. Я их выкормил из соски, теперь твоя очередь заботиться – найдёшь им хозяев.

- Врёшь – поди, кошку у соседки кормил, а она их.

- Держи, Айболит, - он сунул мне коробку в руки и удалился с независимым видом.

Знаете, как я его после этого зауважал – просто кумиром стал моим, примером для подражания. Звал Толяном, а вообще-то кличек у него было предостаточно. Калмык, Калмычонок – это понятно. Сивым его звал старший брат Бориска. Волосы у моего друга были белее известки, как у ветерана-фронтовика. Дрались братовья не часто, но жестоко. Разница в три года давало старшему Калмыку преимущества в росте, силе, инициативе. Но Толян был упёртым – он поднимался и снова шёл в бой, вытирал кровь и продолжал наседать. В конце концов, избитый до полусмерти (наверное, лишка загнул), Толян терял терпение и облик поединщика: ударившись в рёв и слёзы, хватал, что под руку подворачивалось – нож, дубину, топор. Борька позорным бегством покидал усадьбу – благо ноги длинные, а вот характер слабый. Толька никогда не пользовался плодами своих побед, чтобы подчинить себе старшего брата - исправно слушался его до следующего конфликта.

Ещё его звали Рыбаком - страсть эта фамильная. Дед, работающий пенсионер, мастрячил внукам какие-то замысловатые капканы, силки, венгеря. Однажды сделал

арбалет с луком из стального прутка и такими же стрелами. Толька пошёл с ним на болото, растерял все стрелы, кроме одной, которой подстрелил утку. Рыбалкой и охотой увлекался у них отец – Борис Борисович Калмыков. Только любил он эти промыслы не за азарт добытчика, не за результаты, а за возлияния у костра. Короче, алкаш был, и всё тут. Любил комфорт не только в доме, где за чистотой и уютom следили наперегонки жена и тёща, но и в полевых условиях. Сейчас поясню, в чём это выражалось.

У Борис Борисыча если лодка, то обязательно резиновая, из магазина. Такие же палатка, сапоги, гидрокостюм, удочки, сети и даже патроны. Хотя для набивки последних у него был полный набор приспособлений – калибровка, капсулевыбивалка и вбивалка, дозатор для пороха, пыжерубка. Он мог дробь изготавливать в домашних условиях – были литейка, протяжка, дроберубка и дробекаталка. Но Борис Борисович предпочитал без хлопот приобретать в охотничьем магазине «Зорька» заряженные папковые патроны.

Отец мой за это его недолюбливал и даже презирал, во всяком случае, чурался. Зато обожали окрестные охотники. Дважды в год шумно было у него во дворе от людского наплыва. Мужики тащили свинец во всяких формах его существования, ну а мы, пацаны, довольно уже сноровато лили свинцовую проволоку, протягивали её через калибровку, рубили, катали цилиндрики в шарики, вращая тяжеленную крышку чугунной дробекаталки. Час-другой и готовы килограммов пять прокатанной в графите дроби. Мужики угощали хозяина спиртным, нас – охотничьими байками. Весело было всем.

Борис Борисыч не брал сынов на промысел. Однако эта страсть у них была в крови.

Потеряв последнюю стальную стрелу, Толян забросил на чердак арбалет.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php